

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2020, №2, Том 11 / 2020, No 2, Vol 11 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2020.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK220.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Кушникова Л.В., Погорелая Н.Г., Зубкова Е.В. Рефлексия переводчика vs. метапереводческая деятельность // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2020 №2, <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK220.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.

For citation:

Kushnina L.V., Pogorelaya N.G., Zubkova E.V. (2020). Translator's reflexion vs. metatranslation. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*, [online] 2(11). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/07FLSK220.pdf> (in Russian)

УДК 81Г25

ГРНТИ 16.21.07

Кушникова Людмила Вениаминовна

ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия

Профессор кафедры «Иностранных языков, лингвистики и перевода»

Доктор филологических наук, профессор

E-mail: lkushnina@yandex.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=363410

Погорелая Нина Григорьевна

ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия

Старший преподаватель кафедры «Иностранных языков, лингвистики и перевода»

E-mail: npogorelaia@yandex.ru

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=658238

Зубкова Екатерина Владимировна

ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», Пермь, Россия

Доцент кафедры «Иностранных языков, лингвистики и перевода»

Кандидат филологических наук

E-mail: vvkate@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0353-7191>

РИНЦ: https://www.elibrary.ru/author_profile.asp?id=586134

Рефлексия переводчика vs. метапереводческая деятельность

Аннотация. В статье исследуется соотношение феноменов рефлексия переводчика и метапереводческая деятельность в свете концепции переводческого пространства, аксиологической доминантой которой выступает категория гармонии. Данная концепция основывается на синергетической идеологии, а сам процесс перевода вписывается в синергетическую парадигму как особую разновидность системного подхода, в соответствии с которым перевод трактуется как система эксплицитно-имплицитных смыслов, транспонируемых из одной лингвокультуры в другую. Сама гармония означает культурно обусловленное взаимопроникновение текстов, т. е. гармонично переведенный текст становится фактом другой культуры и обогащает ее.

Отмечается, что термины «метатекст», «метаперевод» относительно недавно были введены в научный оборот отечественной лингвистики, в то время как европейские ученые

используют термин «параперевод» (франц. paratraduction, англ. paratranslation). Начало когнитивным исследованиям метаперевода в России положил В.Б. Кашкин, который обозначил различные виды метапереводческой деятельности. В работах Н.А. Пластининой особое внимание уделено читательской рефлексии, основанной на одном из видов метаперевода – переводческом предисловии.

Цель проводимого исследования состоит в изучении рефлексивной речемыслительной деятельности переводчика, т. е. акцент сделан на рефлексии переводчика в процессе создания метаперевода. Авторы статьи выдвинули предположение о том, что в качестве одного из возможных путей изучения рефлексии переводчика выступает переводческий метатекст как продукт метапереводческой деятельности. Методологией исследования выбран синергетический подход к анализу процессов перевода и метаперевода, важнейшим принципом которого является приращение новых смыслов, приемлемых в принимающей культуре. В результате данного исследования удалось установить, что переводческая рефлексия как одно из проявлений языкового сознания переводчика является важнейшим фактором, который «запускает» когнитивный механизм метапереводческой деятельности, ориентированной на гармоничную рецепцию текста перевода принимающей лингвокультурой.

Ключевые слова: переводческий метатекст; переводческое пространство; языковое сознание переводчика; гармония; рефлексия; синергетика; когнитивные механизмы

Трансдисциплинарность современного переводоведения не вызывает сомнений. Его развитие обусловлено проникновением таких направлений исследований, как когнитивная лингвистика, синергетика, аксиологическая лингвистика, этнопсихолингвистика, металингвистика и др., что позволило исследователям приступить к изучению лингвокогнитивных механизмов перевода, лежащих в основе этого процесса.

Наши рассуждения о переводе построены на концепции переводческого пространства как синергетической модели перевода¹, разработанной одним из авторов данной статьи [1]. Синергетический подход к переводу позволил нам сформулировать новую аксиологическую доминанту перевода – категорию гармонии, предполагающую смысловую соразмерность, согласованность текстов оригинала и перевода. Сама гармония означает, прежде всего, культурно обусловленное взаимопроникновение текстов, т. е. гармонично переведенный текст становится фактом другой культуры и обогащает ее. Когнитивная составляющая переводческого пространства основывается на существовании в нем полей субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента, в каждом из которых порождается свой уникальный имплицитный смысл, что исключает полное тождество смыслов всех субъектов. Мы предположили, что в поле переводчика формируется индивидуально-образный смысл, в поле автора – интенционально-модальный смысл, в поле реципиента – рефлексивный смысл. Мы опираемся также на текстовую составляющую переводческого пространства, в котором вычленим содержательное поле, энергетическое поле, фатическое поле. Если содержательное поле формирует эксплицитный смысл, или инвариант для переводчика, то все остальные смыслы имплицитны, вариативны. В энергетическом поле формируются эмотивные смыслы, а в фатическом – культурологические смыслы.

В разрабатываемой нами концепции перевода находят отражение общенаучные принципы синергетики. Мы предположили, что перевод вписывается в синергетическую парадигму как особую разновидность системного подхода, в соответствии с которым перевод

---

¹ Теория перевода в классической и современной исследовательской парадигме: онтология, методология, аксиология: колл. монография под общей редакцией Л.В. Кушниной. М., Флинта, 2020. 336 с.

трактуются нами как система эксплицитно-имплицитных смыслов, транспонируемых из одной лингвокультуры в другую. Динамика смыслов в переводческом пространстве осуществляется поэтапно в процессе их самоорганизации: девербализованные смыслы текста оригинала порождают состояние хаоса, далее происходит их переосмысление в сознании переводчика, и наконец, ревербализованные смыслы текста перевода порождают состояние порядка, в результате чего текст перевода интегрируется в принимающую культуру. Синергетический эффект заключается в том, что интегральный смысл текста перевода не является механической суммой гетерогенных смыслов всех полей, но их синергией, т. е. приращением новых смыслов, приемлемых принимающей культурой. В нашей концепции переводчик – активная, мыслящая языковая личность, которая овладела гармоничным переводческим мировоззрением, стремлением к созданию качественного – гармоничного – перевода.

В рамках данной статьи мы акцентируем внимание на рефлексии переводчика, которая характеризует его деятельность не только и не столько в условиях переводческого пространства, т. е. в процессе создания текста перевода, но в ситуации так называемого метапереводческого (или околопереводческого) пространства, возникающего по завершении собственно перевода. К такому предположению мы пришли, основываясь на изучении различных видов метапереводческой деятельности. Подчеркнем, что если этот вид деятельности переводчика существовал и ранее, то его изучение началось относительно недавно. В конце XX века европейские ученые заинтересовались феноменом парапериода (*paratraduction* – франкоязычный термин, *paratranslation* – англоязычный термин). Наиболее плодотворно его изучал французский исследователь Ж. Женет, который одним из первых описал типологию и жанровую специфику паратекста [2]. В России данная проблема стала предметом изучения В.Б. Кашкина, который использовал другой термин – метаперевод. Заслугой В.Б. Кашкина является тот факт, что он составил номенклатуру многих разновидностей метапереводческой деятельности, т. е. объединил разрозненные, изолированные ранее факты в единую систему и обосновал необходимость ее изучения в аспекте метакогнитивной парадигмы [3]. Согласно исследованиям В.Б. Кашкина, к метапереводу относятся следующие виды деятельности: размышления о переводе, комментарии переводчика, ссылки и сноски переводчика, переводческие предисловия и послесловия, фильмы и книги о переводчиках, воспоминания переводчиков, критическая литература о переводчиках и пр. Ясно, что диапазон исследований в этом направлении огромен.

В совместной работе с Н.А. Пластининой мы приступили к исследованию переводческих предисловий и послесловий к художественным текстам, опубликованным в журнале «Иностранная литература» в течение 25 лет. Нам удалось показать, что парапериод, как и собственно перевод, является синергетическим процессом, а сама метапереводческая деятельность имеет когнитивную природу [4].

Н.А. Пластинина убедительно доказала, что переводческое предисловие/послесловие выступает в качестве самостоятельного метатекста, созданного переводчиком для читателя в процессе прогнозирования его восприятия, а также интерпретации и осмысления прочитанного. Исследуя метатекст в рамках метадискурсивной деятельности переводчика, автор предлагает следующее определение: «метадискурсивная деятельность переводчика понимается как коммуникативное событие, как интегративная совокупность коммуникативных актов: аппроксимация текста оригинала, рецепция и ассимиляция текста перевода принимающей культурой» [5].

Таким образом, в исследовании Н.А. Пластининой внимание сфокусировано на читательской рефлексии, ради которой выполняется метаперевод, что действительно важно для изучения данного процесса.

В работе Я.Б. Глаголева анализируется метапереводческая транспозиция имени собственного в русском и французском языках на примере художественного текста [6]. Автор разграничивает внутритекстовую транспозицию и межтекстовую транспозицию, внутриязыковую транспозицию и межъязыковую транспозицию. Нас заинтересовала внутритекстовая межъязыковая транспозиция имени собственного, т. е. такие случаи передачи имени собственного, при которых переводчику удастся гармонично транслировать элементы ономастического пространства текста оригинала. При этом дополнительный метатекст не создается, и результаты метапереводческой деятельности интегрированы в текст перевода.

Можно предположить, что изучение переводческой рефлексии позволит лучше понять когнитивные механизмы перевода в самых различных его проявлениях как при создании собственно текста перевода, так и при создании переводческого метатекста.

В данной работе мы обратим внимание на рефлексии переводчика, благодаря которой становится возможен метаперевод. Возникает вопрос: как соотносятся рефлексия переводчика и его метапереводческая деятельность? Для этого необходимо рассмотреть такие понятия, как языковое сознание переводчика, речемыслительная деятельность переводчика, комментирующая и интерпретирующая деятельность переводчика и др.

Начнем с того, что термин «рефлексия» – латинского происхождения – «*reflexio*» и обозначает «обращение назад», «отражение». Новая философская энциклопедия толкует рефлексии как теоретическую деятельность человека, «которая направлена на осмысление своих собственных действий, культуры и ее оснований; деятельность самопознания, раскрывающая специфику душевно-духовного мира человека»².

Проблема языкового сознания с позиций этнопсихолингвистики исследуется Н.В. Уфимцевой. По ее мнению, «сознание человека всегда этнически обусловлено, видение мира одним народом нельзя простым «перекодированием» перевести на язык культуры другого народа» [7, с. 27]. В этом состоит одна из причин непонимания в межкультурном общении. Различия в национальных сознаниях коммуникантов затрудняют диалог культур. При этом подчеркивается внешняя культурная обусловленность сознания. Это означает, что языковое сознание является не только средством познания родной культуры, но и средством познания чужой культуры в ее «предметной, деятельностной и ментальной форме» [7, с. 33]. В своей работе автор выдвигает идею о том, что для каждого этноса свойственна своя специфика образов сознания, отображающих предметы конкретной культуры. В результате проведения многочисленных психолингвистических экспериментов, которые нашли отражение в «Русском региональном ассоциативном словаре», автору удалось проанализировать изменения, которые произошли в языковом сознании молодых русских людей под влиянием социокультурной реальности в ее временной динамике.

Для понимания языкового сознания важно замечание ученого о том, что «слово родного языка несет в себе потенциальную энергию живого действия, а слово чужого языка такой потенциальной энергии не несет» [7, с. 23]. Это означает, по мнению Н.В. Уфимцевой, что за словом родного языка стоят различные знания и умения, связанные с предметом родной культуры, а при переходе к чужой культуре мы усваиваем лишь знания.

Следовательно, напрашивается вывод о необходимости компенсировать отсутствие соответствующих умений, что может быть реализовано, в частности, с помощью создания переводческого метатекста.

В работе «Языковое сознание: Динамика и вариативность» Н.В. Уфимцева исследует проблему языкового сознания с других позиций [8]. Ученый ссылается на размышления

---

² URL: https://gufo.me/dict/philosophy_encyclopedya/РЕФЛЕКСИЯ.

Л.Н. Гумилёва, который выдвинул гипотезу о существовании в природе этнического поля, которое проявляется в коллективной психологии, воздействующей на индивида. У каждого этноса – свое поле, со своим ритмом и стереотипами поведения. В соответствии с данной гипотезой, культура есть система сознания, связанная с определенной этнической системой. Это означает, что культура всегда конкретно-человеческая, т. е. этническая, а отвлеченно-человеческой культуры быть не может. Н.В. Уфимцева приходит к выводу, что «культурные стереотипы доступны саморефлексии, являются фактами поведения, сознания (индивидуального и общественного), индивидуального бессознательного, им можно обучать» [8, с. 221].

Этот вывод имеет самое непосредственное значение для нашего исследования, т. к. показывает неразрывную связь языкового сознания, рефлексии, саморефлексии.

Обратимся к работам, посвященным языковому сознанию переводчика. Данной проблемой занималась Т.Г. Пшенкина. Опираясь на идею А.Д. Швейцера о том, что в процессе интерпретации содержания текста и коммуникативного намерения автора переводчик смотрит на них глазами носителя другой культуры, Т.Г. Пшенкина исследует культурноспецифическое в переводе. Эта идея находит подтверждение в следующих высказываниях автора:

1. «...язык отражает человеческий опыт, представленный в различных этнических сознаниях» [9, с. 9];
2. «реальный процесс межкультурного общения, в котором принимает участие переводчик, может происходить только в форме общения сознаний. Сознание индивида формируется в определенной культуре/среде» [9, с. 11];
3. «...перевод – извечное противоборство «недоперевода» и «переперевода» предпочтений в ориентации переводчика, направленных на культурные нормы продуцента или реципиента ... Однако подчеркнем – для реципиента, для читателя, но не для переводчика» [9, с. 127].

Основываясь на данных положениях, которые показались нам наиболее значимыми, а также на многих других, Т.Г. Пшенкина приходит к выводу об особой языковой конфигурации в сознании переводчика, являющегося искусственным или профессиональным билингом. Она складывается не только под влиянием разных языков, но, преимущественно, разных образов мира, что формирует новый тип языкового сознания, который характеризуется особыми когнитивными, эмоциональными, поведенческими реакциями. Принимаемые переводчиком решения зависят от того, «встретятся ли образы мира в сознании коммуникантов» [9, с. 211]. Только в этом случае состоится успешная коммуникация.

Исследуя особенности языкового сознания переводчика, обусловленные спецификой его посреднической деятельности, Т.Г. Пшенкина затрагивает проблему переводческой рефлексии, ссылаясь на результаты исследований Г.И. Богина. Суть проблемы заключается в том, что переводческая деятельность реализуется только в ходе осознанной (направленной) рефлексии [10]. Речь идет как о рефлексии над собственным смыслом воспринимаемого, так и над интенциональным смыслом продуцента текста, а также над тем, как разворачивается осмысление текста конечным реципиентом. Бесспорно, рефлексия переводчика и языковое сознание переводчика – взаимосвязанные сущности, а именно, рефлексия – одна из разновидностей когнитивных реакций языкового сознания.

Прежде чем рассмотреть наше понимание соотношения переводческой рефлексии как компонента языкового сознания переводчика с его метатекстовой деятельностью как результате рефлексии, обратимся к размышлениям Гаспарова. Как известно, среди разновидностей метатекста называют комментарий переводчика – наиболее значимый вид деятельности, хотя и наименее распространенный, т. к. он требует значительных

интеллектуальных, эмоциональных, когнитивных усилий переводчика, его эрудиции и энциклопедичности.

Обратимся к статье М.Л. Гаспарова «Ю.М. Лотман и проблемы комментирования» [11]. Ю.М. Лотман в своем комментарии к «Евгению Онегину» выделяет два типа разъяснений: концепционные и текстуальные. Концепционные разъяснения представляют собой историко-литературные и философские комментарии, а текстуальные характеризуют их художественные функции в тексте. Гаспаров формулирует очень важный вывод: никакой комментарий не должен объяснять всё!

Сравнивая комментарии В. Набокова и Ю. Лотмана, ученый отмечает следующие различия: если для В. Набокова в процессе комментирования важно объяснить реалии и интертекстуальные включения, то для Ю.М. Лотмана важно другое: реалии и идеи. В аспекте решения переводческих проблем М.Л. Гаспаров полагает, что комментарий – это перевод чужой культуры на язык наших понятий и чувств. Комментарий – это продолжение словаря: словарь говорит нам, чем то или иное иноязычное слово похоже на русское слово, а комментарий уточняет, чем оно непохоже.

Когда мы говорим о создании переводческого метатекста, мы предполагаем, что это действие становится возможным только в результате предыдущей деятельности – выполнения собственно перевода текста как продукта активности переводящей личности. Необходимость метатекстовой деятельности обусловлена сложностью и недостаточной изученностью переводческой деятельности. Пройдя сквозь препятствия, возникшие в переводческом пространстве, переводчик начинает осознавать, что помогло ему их успешно преодолеть, он способен предвидеть, как облегчить этот путь читателю. Перед переводчиком может возникнуть дилемма: создавать новый перевод, в котором многое прояснится для самого переводчика, или создать так называемый периферийный текст к основному тексту перевода, т. е. переводческий метатекст, который снимет проблемы непонимания. Так мы приходим к выводу, что переводческая рефлексия дает импульс к созданию переводческого метатекста, они тесно связаны.

Если исходить из идей, высказанных Гаспаровым, касающихся того, что перевод есть продолжение словаря, наша концепция гармонизации в полной мере согласуется с данным утверждением. Мы проанализировали значимость критериев адекватного и эквивалентного перевода и пришли к выводу, что адекватный перевод касается лишь тех случаев, когда переводчик использует точные словарные соответствия; эквивалентный перевод предполагает использование простейших переводческих приемов на основе тех же словарных соответствий. Иными словами, в том и в другом случае перевод строится на словаре. Когда мы говорим о гармоничном переводе, предполагающем синергетическое приращение смыслов в соответствии с требованиями и ожиданиями принимающей культуры, мы также имеем в виду, что истинный перевод есть продолжение словаря. Гармоничный вариант перевода невозможно найти в словаре, его необходимо создать. В этом состоит наша позиция. В связи с этим любое проявление метапереводческой деятельности, которое представляет собой не только выход за пределы словаря, но, главным образом, выход переводчика за пределы текста оригинала, можно расценивать как проявление гармонии. Разумеется, необходим баланс, нарушение которого может привести к дисгармонии, т. е. переводческой ошибке. Для того чтобы создать гармоничный перевод текста, необходимы серьезные интеллектуально-эмоциональные усилия переводчика, его эмпатия, со-размышление и со-чувствование, что является одной из сторон рефлексивной речемыслительной деятельности. Но содержание этой деятельности гораздо шире. Дело в том, что переводческий метатекст – это совершенно новый текст, в котором переводчик предстает как автор, а для читателя – соавтор. Можно предположить, что переводческая рефлексия порождает двусторонние интертекстуальные связи: с одной стороны,

это связь авторского текста с метатекстом, с другой стороны, это связь переведенного текста с метатекстом. Если в первом случае интертекстуальность является ретроспективной, то во втором – перспективной. Прежде чем читать перевод читатель имеет возможность познакомиться с метатекстом. И этой возможности нет у читателя оригинала. Метатекст, будучи результатом переводческой рефлексии, выполняет важнейшую интерпретирующую функцию. Разумеется, ее значимость варьируется в зависимости от вида и объема создаваемого метатекста. Если речь идет о создании переводческого предисловия, оно может занимать несколько страниц. Переводческие сноски и комментарии не превышают нескольких строчек.

Нам интересно проследить проявление минимального переводческого метатекста, который является одновременно и переводом, и метатекстом. Переводчик создает гармоничный текст в результате собственной рефлексии, осознавая, что словарный перевод не обеспечит «соприкосновения сознаний» коммуникантов. Мы предположили, что переводческая рефлексия как одно из проявлений языкового сознания переводчика становится своего рода «пусковым механизмом» для осуществления метапереводческой деятельности, что придает ей когнитивный характер.

Проиллюстрируем сказанное на примере. Приведем поэтический текст О. Мандельштама, созданный в 1908 г., и его перевод на французский язык, выполненный Э. Анри и М. Реньо:

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки,
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят.
О, вещь моя печаль,
О, тихая моя свобода
И неживого небосвода
Всегда смеющийся хрусталь!* [12, с. 8]

*L'or faux des sapins de Noel
Flamboie au milieu des forêts.
Dans les fourrées des loups-jouets
Ouvrent leurs terribles prunelles.
O mon amertume augurale,
O ma liberté non sonore,
Et de la voute du ciel mort
L'éternel rire de cristal!*
(traduit par Helene Henry et Maurice Regnaut) [12, с. 19].

Обратим внимание на перевод сочетания «сусальное золото» – «*l'or faux*», что в буквальном переводе означает «ложное золото». Мы рассматриваем данный фрагмент как внутритекстовая, межъязыковая метапереводческая транспозиция. Ее создание стало возможным в результате переводческой рефлексии, что обусловило гармоничный перевод. Проследим, чем руководствовался переводчик при выборе данного варианта. Для этого

необходимо разобраться, что обозначает понятие «сусальное золото» в русском языке. По данным Википедии, сусальное золото – это тончайший лист золота, используемый в декоративных целях, который наклеивается на поверхность, создавая впечатление, что предмет полностью сделан из золота³. Согласно толковому словарю В. Даля, слово «сусаль» обозначает лицо, т. е. позолотой покрывается только лицевая сторона изделия⁴.

Таким образом, перевод сочетания «сусальное золото» как «ложное золото» совершенно оправдан, что позволяет нам признать данный вариант перевода гармоничным. А сам вариант перевода мы обозначаем как метатекст.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Исследование переводческого метатекста до сих пор не получило достаточного развития, между тем выявление когнитивных механизмов переводческой деятельности было бы возможным при условии описания всех сторон профессиональной активности переводчика как создания собственно текста перевода, так и создания дополнительного к нему периферийного метатекста.

2. Переводческая рефлексия как одно из проявлений языкового сознания переводчика является важнейшим фактором, который «запускает» когнитивный механизм метапереводческой деятельности, ориентированной на гармоничную рецепцию текста перевода иноязычным и инокультурным читателем.

3. В результате вербального воплощения переводческой рефлексии в переводческом метатексте возникают двусторонние интертекстуальные связи, расширяющие метапереводческое пространство, что обуславливает взаимопонимание коммуникантов. При этом сам перевод не только выполняет функцию диалога культур, но он сам формирует культуры.

---

³ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сусальное_золото.

⁴ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. – М.: Рус. яз., 1978–190. Т. 4. Р–V. 1980. С. 363.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушни́на Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. 196 с.
2. Genette G. *Seuils*, 1987. 388 p.
3. Кашкин В.Б. Метакогнитивные исследования перевода // Десятые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб, 2009. С. 230–242.
4. Кушни́на Л.В., Пластинина Н.А. Метапереводческая деятельность как когнитивный процесс // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. №4 (58). Ч. 1. С. 118–120.
5. Пластинина Н.А. Метакоммуникативная деятельность переводчика как переводческая стратегия // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2016. Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политехн. ун-та. №1 (15). С. 50–61.
6. Глаголев Я.Б. Ономастическое пространство текста и перевод // Русистика без границ, Болгария, София, 2019, том 3, вып. 4. С. 92–97.
7. Уфимцева Н.В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // Неопсихоллингвистика и психолингвокультурология. М., Гнозис, 2017. С. 21–96.
8. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М., 2011. 252 с.
9. Пшенкина Т.Г. Психоллингвистические основания вербальной посреднической деятельности. Барнаул, Изд-во БГПУ, 2005. 240 с.
10. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. Ленинград, 1984. 354 с.
11. Гаспаров М.Л. Ю.М. Лотман и проблемы комментирования // Новое литературное обозрение, 2004. № 66. С. 70–74.
12. Мандельштам О. Стихотворения, Издательство Радуга, М., 1991. 197 с. – Mandelstam Ossip, Editions Radouga, Moscou, 1991. 197 p. (на французском языке с параллельным русским текстом).

Kushnina Liudmila Veniaminovna

Perm national research polytechnic university, Perm, Russia
E-mail: lkushnina@yandex.ru

Pogorelaya Nina Grigorievna

Perm national research polytechnic university, Perm, Russia
E-mail: npogorelaia@yandex.ru

Zubkova Ekaterina Vladimirovna

Perm national research polytechnic university, Perm, Russia
E-mail: vvkate@mail.ru

Translator's reflexion vs. metatranslation

Abstract. The article examines the correlation between translator's reflexion and metatranslation in light of the translation space theory whose axiological dominant is the category of harmony. This theory is based on the ideology of synergetics, and the translation as a process is seen within the synergetic paradigm. Translation is explained as a system of explicit and implicit meanings which are transposed from one linguoculture to another. Harmony is defined as a cultural interpenetration of texts; in other words, a harmonious translation becomes an artifact of the target culture and enriches it.

It states that such terms as metatext and metatranslation are quite new for Russian linguistics, whereas European translation scholars tend to use other terms like paratranslation on English or paratraduction in French. The first scholar to lead cognitive studies of metatranslation was V. Kashkin. He defined several types of metatranslation. N. Plastinina focuses on reader's reflexion based on translator's foreword, which she sees as a type of metatranslation.

Our goal was to examine mental and verbal translator's reflexion, so we are focusing on the reflexion a translator performs when doing a metatranslation. We suggest a hypothesis that a metatext, as a product of metatranslation, can be seen as a way of examining translator's reflexion. We base our methodology on the synergetic approach to translation and metatranslation analysis, whose main principle is the increment of meanings that are acceptable for the target culture. As a result, we found that translator's reflexion, as a manifestation of translator's linguistic consciousness, is an important factor which launches the cognitive mechanism of metatranslation, the latter being oriented towards a harmonious reception of the translated text by the target culture.

Keywords: translator's metatext; translation space; translator's linguistic consciousness; harmony; reflexion; synergetics; cognitive mechanisms

REFERENCES

1. Kushnina L.V. (2009). Teoriya garmonizatsii: opyt kognitivnogo analiza perevodcheskogo prostranstva. [*Theory of harmonization: the experience of cognitive analysis of the translation space.*] Perm: Publishing House Perm State Technical University, p. 196.
2. Genette G. (1987). *Seuils*, p. 388.
3. Kashkin V.B. (2009). Metakognitivnye issledovaniya perevoda. [*Metacognitive Translation Studies.*] Saint Petersburg, pp. 230–242.
4. Kushnina L.V., Plastinina N.A. (2016). Meta-translation activity as a cognitive process. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 4(58), pp. 118–120 (in Russian).
5. Plastinina N.A. (2016). Metacommunicative activity of a translator as a translation strategy. *Bulletin of Perm National Research Polytechnic University. Problems of Linguistics and Pedagogy*, 1(15), pp. 50–61 (in Russian).
6. Glagolev Ya.B. (2019). Onomastic text space and translation. *Russian Studies without Borders, Bulgaria, Sofia*, 4(3), pp. 92–97 (in Russian).
7. Ufimtseva N.V. (2017). Ehtnopsikholingvistika kak razdel teorii rechevoy deyatel'nosti. [*Ethnopsycholinguistics as a section of the theory of speech activity.*] Moscow: Gnosis, pp. 21–96.
8. Ufimtseva N.V. (2017). Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'. [*Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability.*] Moscow, p. 252.
9. Pshenkina T.G. (2005). Psikholingvisticheskie osnovaniya verbal'noy posrednicheskoy deyatel'nosti. [*Psycholinguistic basis of verbal mediation.*] Barnaul: Publishing House of BSPU, p. 240.
10. Bogin G.I. (1984). Model' yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam teksta. [*The model of linguistic personality in its relation to the types of text.*] Leningrad, p. 354.
11. Gasparov M.L. (2004). Yu.M. Lotman and the problems of commenting. *New Literary Review*, 66, pp. 70–74 (in Russian).
12. Mandel'shtam O. (1991). *Poems*. [Russ. ed.: *Stikhotvoreniya*. Moscow: Editions Radouga, p. 197].